

Реальные и мнимые стратегии преодоления бедности: подходы к измерению и оценке

Багирова Анна Петровна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru

Клюев Алексей Константинович

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
e-mail: a.k.kluev@urfu.ru

Козицина Татьяна Сергеевна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
e-mail: tatiana.kozitsina@urfu.ru

Цитирование: Багирова А.П., Клюев А.К., Козицина Т.С. (2025). Реальные и мнимые стратегии преодоления бедности: подходы к измерению и оценке. *Terra Economicus* 23(4), 50–67. DOI: 10.18522/2073-6606-2025-23-4-50-67

В статье разработан и реализован подход к анализу возможностей снижения бедности в российских регионах. Теоретической основой исследования является поведенческая экономика, которая включает в процесс преодоления бедности поведенческие факторы, учитывает влияние социального окружения, эмоций, когнитивных возможностей. Целью исследования стала разработка и обоснование подхода к оценке реальности намерений преодоления бедности и кластеризация бедных на основе этого поведенческого индикатора. Эмпирическую базу исследования составили данные проведенного в июне 2023 г. в Свердловской области опроса трудоспособного населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума (N=1700 чел.), а также результаты проведенного в 2025 г. экспертного опроса специалистов, в чьи обязанности входит работа с населением, находящимся за чертой бедности (N=25 чел.). Дизайн исследования предполагал расчет на основе двух типов источников данных индекса реальности намерений в отношении различных стратегий преодоления бедности, а также дальнейшую кластеризацию респондентов по значениям этих индексов. Выявлены три кластера респондентов, различающиеся сочетанием стратегий, которые они намерены использовать для преодоления бедности (конкретные виды активных и / или пассивных стратегий), а также совокупностью поведенческих индикаторов уровня агентности, склонности к риску, гиперболического дисконтирования и доверия к институтам. Кластеры, сформированные по критерию реальности намерений преодоления бедности с использованием той или иной совокупности стратегий, – это новая типология важной для российского общества группы населения по поведенческому индикатору, отражающему мотивацию, оценку доступности механизмов выхода из бедности и субъективную готовность бедных к их использованию.

Ключевые слова: бедность; намерения; оценка реальности намерений; снижение бедности; социальная политика

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01542, <https://rscf.ru/project/25-28-01542/>.

Real and imaginary strategies for overcoming poverty: Approaches to measurement and evaluation

Anna P. Bagirova

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia, e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru

Alexey K. Klyuev

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia, e-mail: a.k.klyuev@urfu.ru

Tatyana S. Kozitsyna

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia, e-mail: tatiana.kozitsina@urfu.ru

Citation: Bagirova A.P., Klyuev A.K., Kozitsyna T.S. (2025). Real and imaginary strategies for overcoming poverty: Approaches to measurement and evaluation. *Terra Economicus* 23(4), 50–67 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2025-23-4-50-67

The article presents an approach to analyzing opportunities for reducing poverty in Russian regions. We rely on the theoretical framework of behavioral economics, which implies behavioral factors, as well as the influence of the social environment, emotions, and cognitive abilities in overcoming poverty. The research aims at developing an approach to assessing the reality of intentions to overcome poverty and clustering the poor based on this behavioral indicator. The empirical data were collected through: (1) a survey conducted in June 2023 among working-age population with incomes below the subsistence minimum in the Sverdlovsk Region of Russia (N=1700 respondents), and (2) an expert survey carried out in 2025 involving specialists whose duties include work with the population living below the poverty line (N=25 experts). The design of the study involved calculating indices of intentionality regarding various strategies for exiting material hardship using two types of data, followed by further clustering respondents according to these index values. Three clusters of respondents were identified, differing in combinations of strategies they intend to use to improve their financial situation (specific active or passive strategy types) and a set of behavioral indicators reflecting levels of agency, inclination towards risks, hyperbolic discounting, and trust in institutions. The resulting clusters formed according to the criterion of the reality of intentions to overcome poverty using certain sets of strategies represent a new typology of an important group within Russian society characterized by a behavioral indicator that reflects motivation, perceived accessibility of mechanisms for escaping poverty, and subjective readiness of the impoverished to utilize them.

Keywords: poverty; intentions; reality of intentions; assessment of intention; policies to reduce poverty; social policy

Funding: This work is supported by the Russian Science Foundation, grant № 25-28-01542, <https://rscf.ru/project/25-28-01542/>.

JEL codes: I32, I38, D63

Введение

Снижение уровня бедности населения является целью социально-экономического развития большинства стран мира. Ученые отмечают, что бедность – это многофакторное явление, которое имеет экономические, социологические, психологические причины и – соответственно – такие же аспекты для изучения.

Одной из особенностей феномена бедности в России является ее региональная дифференциация. Согласно данным Росстата, при уровне бедности (доле населения с доходами ниже прожиточного минимума) в целом по России в 2024 г. 7,2% максимально этот показатель поднялся в региональном разрезе до 25,6 % (Республика Ингушетия), а минимум, зафиксированный в Ямало-Ненецком автономном округе, составил 3,5%¹. Очевидно, что высокая региональная дифференциация предопределяет важность исследования причин и специфики бедности в регионах с высокими, средними и низкими показателями отдельно. Кроме того, ряд территорий характеризуется и высокой внутрирегиональной дифференциацией бедности (Решетникова, 2021).

Государство активно работает с гражданами, оказавшимися в трудной жизненной ситуации. Программы, направленные на снижение бедности, реализуются в рамках Указа Президента РФ, предусматривающего снижение уровня бедности ниже 7% к 2030 г. и ниже 5% к 2036 г.² Уровень бедности населения субъекта РФ является одним из показателей оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации³. В соответствии с нормативными документами федерального уровня субъекты РФ разработали региональные программы снижения доли населения с доходами ниже границы бедности⁴. В качестве задач этих программ Министерством труда и социальной защиты РФ рекомендованы следующие: повышение уровня доходов граждан и превышение темпов роста доходов граждан, в т.ч. средней заработной платы, над темпом роста инфляции; развитие системы социальной помощи нуждающимся гражданам; развитие системы социального контракта; организация социальной адаптации малоимущих граждан.

Но насколько само малоимущее население готово принимать предлагаемые им меры для выхода из ситуации бедности? Возможно ли оценить реальность намерений преодоления бедности населением? В нашем исследовании мы предлагаем способ измерения индекса реальности намерений; приводим расчет этого индекса на основе опросных данных малоимущего населения Свердловской области; и на основе кластерного анализа исследуем подгруппы бедного населения, отличающиеся реальностью намерений преодоления бедности.

Свердловская область является пятым по численности населения российским регионом. Доля населения Свердловской области с денежными доходами ниже границы бедности за 2018–2024 гг. постоянно снижалась. В 2018 г. она составляла 9,5%, в 2022 г. – 8,3%, а в 2024 г. – уже 5,9%. Тем не менее, Свердловская область входит в десять регионов с наиболее острыми проблемами кадрового дефицита (Алехин, 2024), занимает восьмое место в стране по валовому региональному продукту⁵ и лишь 17-е – по разработанному АСИ рейтингу оценки усилий региональных органов исполнительной власти по созданию качественной среды для жизни граждан⁶. Известно, что социально-экономическое неравенство рассматривается как тормоз экономического развития и как один из источников напряжения в обществе (см., например: Шеваков, 2010). В связи со всем перечисленным вопрос дальнейшего снижения уровня бедности, эффективности программ, направленных на

¹ Уровень бедности. ЕМИСС. <https://www.fedstat.ru/indicator/59577> (дата обращения: 27.06.2025)

² Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспектив до 2036 года». Президент России. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542/page/2> (дата обращения: 24.06.2025)

³ Указ Президента РФ от 28 ноября 2024 г. № 1014 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации». Президент России. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51378> (дата обращения: 24.06.2025)

⁴ Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 3 марта 2023 г. № 128 «Об утверждении методических рекомендаций по разработке региональных программ снижения доли населения с доходами ниже границы бедности и признании утратившими силу приказа Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 11 июня 2020 г. № 326 и внесенных в него изменений». ГАРАНТ. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406404769/> (дата обращения: 24.06.2025)

⁵ Валовой региональный продукт в основных ценах (ОКВЭД 2). ЕМИСС. <https://www.fedstat.ru/indicator/61497> (дата обращения: 27.06.2025)

⁶ Рейтинг качества жизни. Агентство стратегических инициатив. https://asi.ru/government_officials/quality-of-life-ranking/ (дата обращения: 27.06.2025)

снижение бедности, для Свердловской области остается критически важным, а оценка реальности намерений преодоления бедности является актуальной и научной, и практической задачей.

Обзор литературы

Проблема бедности остается актуальной как для мирового, так и для научного сообщества, что отражается в высоком интересе исследователей к данной теме (Белопашенцева, 2023; Овчарова, 2012; Abrahamson et al., 2017; Малева и др., 2020; Пишняк и др., 2021). Исходя из научной литературы, можно выделить объективный и субъективный подходы к определению бедности, которые рассматриваются через монетарные и немонетарные критерии, с точки зрения теорий благосостояния или базовых потребностей (Овчарова, 2012; Laderchi et al., 2003; Воронкова, 2007). Дифференциация подходов к определению бедности говорит о ее многогранности и сложности измерения: бедность может быть экономической, социальной, культурной и т.д. (Ravallion, 1992). Но с чем согласны все исследователи – это с тем, что бедность губительна для экономической системы страны, для общества в целом (Варвус, 2016). Соответственно, за время борьбы с бедностью в разных странах было проведено множество различных реформ, нацеленных на сокращение уровня бедного слоя населения (Naveman et al., 2015; Овчарова, 2012). В целом в мире наблюдается повсеместное снижение общего уровня бедности⁷, но работа по ее полному устранению по-прежнему представляется сложной. В научной литературе достаточно активно обсуждаются действия, которые необходимо предпринять государству для вывода сохраняющейся части бедного населения из ситуации материального неблагополучия (Klein, 2003; Leisinger, 2004; Markosyan, 2016; Sejenovich, 2016; Воронкова, 2009).

Исследователи отмечают, что проблема бедности имеет сильное отрицательное влияние на экономическое, социальное, культурное развитие стран и регионов, поэтому необходимы эффективные стратегии, нацеленные на поддержку бедных (Remenyi, 2004); важно участие не только государства, но и бизнеса (Viswanathan, Sridharan, 2009; Yunus et al., 2012; Elliott, 2019), некоммерческих организаций, семьи, друзей и, наконец, самих бедных (Воронкова, 2009). При этом важно не только помогать выходить из бедности, но и принимать меры для того, чтобы население не попадало в ситуацию бедности (Krishna, 2004).

Но насколько бедные готовы бороться со своим положением? Даже получение причитающихся материальных выплат требует некоторых действий (собрать документы, прийти в центр помощи и т.д.). Находясь в тяжелой ситуации, которая обычно сопровождает бедность, человек не может правильно распорядиться своим временем⁸, воспользоваться предлагаемыми возможностями преодоления бедности: намерения есть, а их воплощение затруднительно. Особенно это касается тех, кто находится в ситуации хронической бедности, кто попал в «ловушку бедности» (Hulme, Shepherd, 2003; Shepherd, 2013). Интерес исследователей вызывают как причины, которые могут приводить к хронической бедности (многодетность, низкий уровень образования, духовно-нравственная бедность и др.) (Свиридов, Грабова, 2015; Слободенюк, 2014), так и ее преодоление. Попаданию в «ловушку бедности» способствует постоянный стресс, характерный для людей, находящихся в тяжелом материальном состоянии. Этот стресс не дает принимать взвешенные решения (в том числе – экономические), правильно оценивать существующие альтернативы, а также отбирает психические и физические силы для борьбы с бедностью (Breitenbach et al., 2021; Harms, Garrett-Ruffin, 2023; Delaney et al., 2014; Hohman et al., 2018). Все это приводит к формированию определенного несоответствия между возможностями, предлагаемыми бедному населению для выхода из кризиса, и реальными намерениями данной группы населения этими возможностями воспользоваться (Difei et al., 2025).

Таким образом, одна из проблем исследования бедности может состоять в оценке реальности намерений населения по преодолению бедности. Достаточно щедрая система пособий может снижать желание населения выбирать активные стратегии, направленные на выход из ситуации бедности, однако в ходе опроса это нежелание может респондентами намеренно маскироваться.

⁷ Poverty. World Bank Group. <https://data.worldbank.org/topic/11> (accessed on June 27, 2025)

⁸ Poverty retold: Why narratives matter for economic mobility. The Arithmetic of Compassion. <https://www.arithmeticofcompassion.org/blog/2019/10/28/poverty-retold-why-narratives-matter-for-economic-mobility> (accessed on June 27, 2025)

Теоретическая основа исследования

Теоретической основой нашего исследования является активно используемая в последние годы учеными поведенческая экономика (Corr, Plagnol, 2023; Белянин, 2018). Соответствующий подход предполагает, что на принятие экономических решений влияют социальное окружение, эмоции, когнитивные возможности и даже физиологические факторы (Sanfey et al., 2006). Изучение проблемы бедности также может быть основано на идеях из поведенческой экономики. Считается, что сама ситуация недостатка (*scarcity*) материальных средств приводит к проблемам с когнитивной системой человека: ограниченные финансовые нагрузки снижают внимание, рабочую память, самоконтроль и т.д. (Zhao, Tomm, 2018; de Bruijn, Antonides, 2022). Кроме того, люди в ситуации бедности страдают от стереотипов, связанных с бедностью, что тоже нагружает когнитивную систему, не давая в итоге выйти из состояния бедности (Zhao, Tomm, 2018). Пребывание в бедности приводит к дефициту ресурсов (депривациям), который, в свою очередь, закрепляет бедность, формируя «порочный круг бедности» (Haushofer, Fehr, 2014; Blocker et al., 2023). Находясь в бедности, в дефиците, человек, скорее, ориентируется на краткосрочную выгоду, ему затруднительно оценить риск, что ведет к усугублению существующих проблем (Caballero et al., 2023).

В соответствии с выбранным подходом к исследованию бедности нами рассматриваются следующие поведенческие характеристики:

- уровень агентности (Fuchs, 2007; Ребрей, 2022) как ключевой маркер способности индивида к самостоятельному действию и принятию решений для изменения жизненных обстоятельств;
- склонность к риску или избегание риска (считается, что бедность может ассоциироваться как с тем, так и с другим) (Guiso, Paiella, 2008; Dohmen et al., 2011; de Courson et al., 2025);
- гиперболическое дисконтирование (склонность к немедленному вознаграждению) (Dasgupta, Maskin, 2005);
- доверие к институтам (Bornstein, Tomkins, 2015; Немировский, Новиков, 2021).

Ограничение исследования только этими характеристиками является осознанным теоретическим выбором, позволяющим сохранить фокус и сопоставимость с существующими моделями поведенческой экономики. Авторы понимают, что другие важные аспекты – например, социальные нормы, когнитивные искажения, эмоциональные факторы и культурные установки – остаются за рамками данной работы и требуют отдельного анализа в будущих исследованиях.

Каждая из отмеченных поведенческих характеристик на основании содержательного анализа и теоретических предпосылок, представленных в работах по поведенческой экономике, соотносилась нами со стратегиями повышения материального положения респондентов. При этом авторы осознают, что это – попытка предварительной операционализации теоретической модели, которая не основана на прямом измерении латентных признаков. Такое решение нами рассматривалось, скорее, как первый шаг к разработке инструмента эмпирического исследования.

Таким образом, целью нашего исследования выступает разработка подхода к оценке реальности намерений преодоления бедности и кластеризация бедных на основе этого поведенческого индикатора.

Данные и методы

Дизайн исследования, разработанный для изучения реальности выхода из состояния бедности, изображен на рисунке 1. Он строится на следующих методических принципах:

- 1) разнообразие оцениваемых потенциальных стратегий, направленных на преодоление бедности;
- 2) сочетание внутренней и внешней оценок стратегий (оценок, сделанных самими людьми, доходы которых ниже среднедушевого прожиточного минимума, и оценок, сделанных экспертами, работающими с получателями материальной помощи);
- 3) комплексность оценки каждой стратегии во временном континууме (использовал (раньше) – оцениваю как перспективную (сейчас) – намерен использовать (в будущем)).

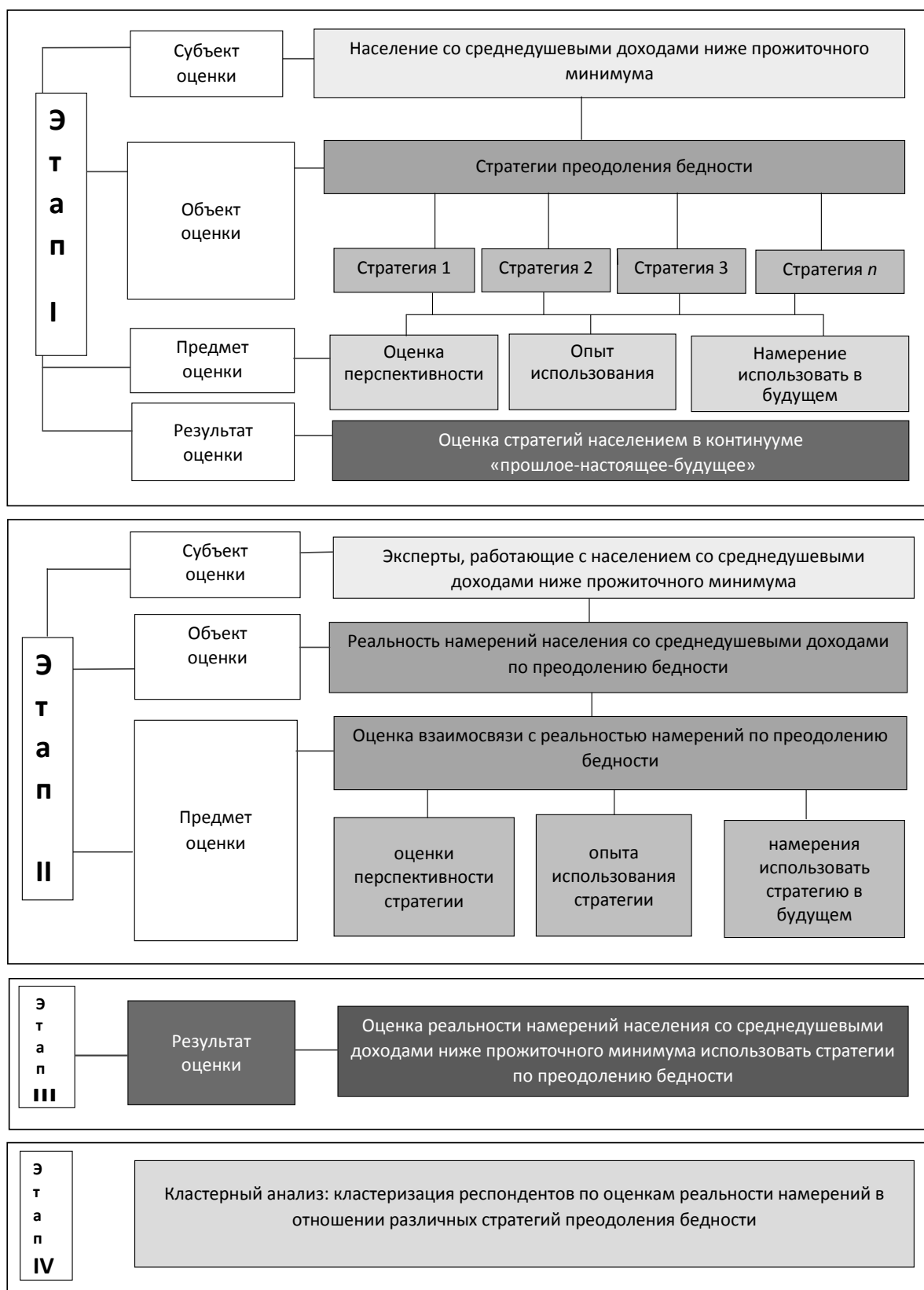

Рис. 1. Дизайн исследования реальности намерений по преодолению бедности населением с доходами ниже прожиточного минимума

Источник: составлено авторами.

Исследование состояло из четырех этапов.

Первый этап предполагал анализ опросных данных трудоспособного населения, имеющего доходы ниже прожиточного уровня. Используемая для анализа база данных сформирована на основе проведенного в июне 2023 г. в Свердловской области опроса трудоспособного населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума. Общее число опрошенных – 1703 чел.⁹ Фрагмент инструмента исследования представлен на рисунке 2. Респондентам – людям с доходами ниже прожиточного минимума – предлагалось отметить возможные стратегии преодоления бедности с точки зрения следующих аспектов: а) перспективности, б) опыта использования, в) возможности использовать в будущем. Круг стратегий преодоления бедности соотносился с ключевыми поведенческими характеристиками, перечисленными нами выше – уровнем агентности, склонностью к риску, склонностью к гиперболическому дисконтированию и доверием к институтам. Включение в перечень стратегий, связанных с активным изменением собственной трудовой или образовательной траектории (поиск лучшей работы, открытие бизнеса, получение дополнительной квалификации), предполагало возможность их интерпретации как проявления более высокой агентности. Выбор стратегий, предполагающих обращение к государственным механизмам поддержки, выступал признаком доверия к институциональной среде. Выбор накопительных и инвестиционных практик рассматривался как признак низкой склонности к гиперболическому дисконтированию и ориентации на будущие выгоды. Авторы осознают, что несмотря на то, что приведенные примеры соотношений стратегий и поведенческих характеристик не являются результатом строгих эмпирических измерений, они могут задать определенную исследовательскую оптику.

50. Люди используют разные возможности улучшить свое материальное положение. Оцените, пожалуйста, некоторые из них.

Пожалуйста, сначала выберите то, что Вы считаете перспективным, отметьте это в столбце А. Затем – то, что лично Вы или члены Вашей семьи использовали, отметьте это в столбце Б. Затем – то, чем Вы не пользовались, но не исключаете для себя (столбец В).

Возможности	Считаю перспективным	Использовал сам	Мог бы использовать в будущем
	А	Б	В
Создать свой собственный бизнес	1	2	3
Получить дополнительное образование или квалификацию	1	2	3
Искать лучшую работу	1	2	3
Получить финансовую помощь от близких или друзей	1	2	3
Найти дополнительные источники дохода	1	2	3
Устроиться еще на одну работу	1	2	3
Сократить расходы на ненужные вещи	1	2	3
Воспользоваться мерами государственной социальной поддержки	1	2	3
Обучиться финансовой грамотности	1	2	3
Использовать свое имущество для получения дохода	1	2	3
Переехать в другое место	1	2	3
Начать копить и инвестировать	1	2	3

Рис. 2. Фрагмент инструмента исследования, использованный для разработки индекса реальности намерений

Источник: Багирова А.П., Герасимова Е.А., Злоказов А.В., Нешатаев А.В., Чернышева И.В. Свидетельство о регистрации базы данных «Исследование бедности среди граждан трудоспособного возраста в Свердловской области» RU 2024620111, 10.01.2024. Заявка № 2023625063 от 21.12.2023.

⁹ Багирова А.П., Герасимова Е.А., Злоказов А.В., Нешатаев А.В., Чернышева И.В. Свидетельство о регистрации базы данных «Исследование бедности среди граждан трудоспособного возраста в Свердловской области» RU 2024620111, 10.01.2024. Заявка № 2023625063 от 21.12.2023. Соответствующая группа населения опрашивалась в 70 муниципальных образованиях области, в том числе в Екатеринбурге – 38%, городах с населением более 100 тыс. чел. – 15%, других муниципальных образованиях – 47%. Квоты по типу поселения соответствуют генеральной совокупности по данным типам муниципальных образований. В ходе сбора данных проводились процедуры, направленные на повышение качества и репрезентативности выборки, включающие широкое географическое распространение анкет, четкий инструктаж анкетеров, постоянную оперативную обратную связь с ними; в ходе последующей обработки данных, на этапе корректировки выборки исключены анкеты респондентов, в которых были применены те или иные стратегии минимизации усилий (линейное прохождение табличных вопросов, частые пропуски вопросов и др.), а затем проведен случайный отбор респондентов в анализируемую совокупность с сохранением заложенных квот по размеру территорий проживания. Все это позволило повысить качество собранных данных.

В таблице 1 приведены мнения респондентов о перспективных, использованных ранее и вероятных для реализации в будущем стратегиях преодоления ситуации бедности.

Таблица 1

**Доля положительных ответов респондентов по совокупности предложенных стратегий
(% от числа опрошенных трудоспособного возраста)**

Стратегии, направленные на преодоление бедности	Считаю перспективным	Использовал сам	Мог бы использовать в будущем
Искать лучшую работу	58,0	16,4	22,4
Воспользоваться мерами государственной социальной поддержки	44,3	19,2	18,2
Сократить расходы на ненужные вещи	35,6	20,3	11,2
Найти дополнительные источники дохода	45,0	11,3	18,6
Получить дополнительное образование или квалификацию	43,2	9,9	16,9
Получить финансовую помощь от близких или друзей	24,8	15,3	9,8
Создать свой собственный бизнес	42,6	2,9	15,8
Устроиться еще на одну работу	32,6	10,0	13,1
Обучиться финансовой грамотности	29,9	3,6	14,6
Начать копить и инвестировать	24,6	3,1	12,7
Переехать в другое место	22,9	2,1	13,5
Использовать свое имущество для получения дохода	21,0	2,4	9,6

Источник: составлено авторами.

На втором этапе, в апреле 2025 г., проводился экспертный опрос специалистов, в чьи обязанности входит работа с населением, находящимся за чертой бедности. Это – специалисты органов социальной защиты из различных субъектов РФ. Экспертам предлагалось поучаствовать в составлении индекса реальности намерений. Обозначенные ранее критерии: а) перспективность, б) опыт использования, в) намерение использовать в будущем – предлагалось оценить по десятибалльной шкале. Вопрос для экспертов был сформулирован следующим образом: «Вы работаете с людьми, находящимися в ситуации материального неблагополучия. Они могут предпринимать те или иные действия для преодоления своей ситуации, а могут только говорить о том, что хотят их предпринимать. Оцените, пожалуйста, на основе Вашего опыта: насколько такой человек близок к реальному действию по преодолению бедности, если: 1) он считает, что тот или иной путь перспективен? 2) он уже ранее использовал тот или иной путь? 3) он говорит, что мог бы использовать этот путь в будущем?». Мы намеренно ставили вопросы экспертам не о каждом конкретном действии, а о взаимосвязи мнений об этих действиях с реальностью самих действий. Такое смещение акцентов в экспертном опросе в сравнении с опросом респондентов позволило учесть два аспекта: внутренний (мнения о тех или иных заявляемых действиях) и внешний (экспертные оценки «степени достоверности» – т.е. близости к реальным действиям – этих «заявлений»).

Средние баллы, рассчитанные по ответам экспертов, представлены в таблице 2.

Таблица 2

Данные экспертного опроса

Параметры стратегий	Средняя экспертная оценка
Взаимосвязь оценки стратегии как перспективной и реальности намерения респондентов использовать ее в будущем	4,26
Взаимосвязь опыта использования стратегии и реальности намерения респондентов использовать ее в будущем	6,15
Взаимосвязь оценки потенциального использования стратегии в будущем и реальности намерения респондентов использовать ее в будущем	4,38

Источник: составлено авторами.

В ходе третьего этапа на основании полученных на первых двух этапах данных для каждой из предложенных респондентам стратегий преодоления бедности рассчитывался индекс реальности намерений.

Введем ряд обозначений.

Критерии оценки населением стратегий преодоления бедности:

- а) перспективность стратегии – X_1 ;
- б) наличие опыта использования стратегии – X_2 ;
- в) наличие намерения использовать стратегию в будущем – X_3 .

Будем считать, что вклад каждого критерия в индекс реальности намерений имеет некий вес $\lambda_1, \lambda_2, \lambda_3$ соответственно. Тогда индекс реальности намерений в отношении использования той или иной стратегии рассчитывается следующим образом:

Индекс реальности намерений (ИРН) = $\lambda_1 X_1 + \lambda_2 X_2 + \lambda_3 X_3$, где $\lambda_1 + \lambda_2 + \lambda_3 = 1$.

Средние экспертные оценки трех критериев обозначим через $\epsilon_1, \epsilon_2, \epsilon_3$ соответственно. $\lambda_1, \lambda_2, \lambda_3$ рассчитаем по формуле:

$$\lambda_i = \frac{\epsilon_i}{\sum \epsilon_i}.$$

Получим: $\lambda_1 = 0,288, \lambda_2 = 0,416, \lambda_3 = 0,296$.

В итоге искомый индекс реальности намерений по каждому респонденту и по каждой стратегии рассчитывается по формуле:

ИРН = $0,288 \times X_1 + 0,416 \times X_2 + 0,296 \times X_3$.

К примеру, респондент 0108 выбрал для стратегии преодоления бедности «Поиск лучшей работы» следующие ответы:

- а) стратегия перспективная ($X_1 = 1$);
- б) стратегию ранее использовал ($X_2 = 0$);
- в) мог бы использовать стратегию в будущем ($X_3 = 1$).

Индекс реальности намерений по стратегии «Искать лучшую работу» для респондента 0108 составляет:

ИРН = $0,288 \times 1 + 0,416 \times 0 + 0,296 \times 1 = 0,584$.

Заметим, что для отдельно взятого респондента набор оценок стратегий может быть только следующим: ($X_1 = 1, X_2 = 0, X_3 = 0$); ($X_1 = 1, X_2 = 1, X_3 = 0$); ($X_1 = 1, X_2 = 0, X_3 = 1$); ($X_1 = 0, X_2 = 0, X_3 = 0$); ($X_1 = 0, X_2 = 1, X_3 = 0$); ($X_1 = 0, X_2 = 0, X_3 = 1$). Это связано с тем, что респондент не может одновременно выбрать варианты б) и в) (см. рис. 2). Тогда для отдельно взятого респондента диапазон значений для ИРН будет следующим: $\{0; \max(\lambda_1 + \lambda_2, \lambda_1 + \lambda_3)\}$. Соответственно, для рассчитанных весов ИРН может принимать значения между 0 и 0,704. Далее в целях удобства будем рассматривать значения ИРН, не превышающие 0,25, как индикатор слабых намерений респондентов в отношении реализации соответствующей стратегии, значение в диапазоне от 0,25 до 0,5 – как индикатор средних намерений, а выше 0,5 – как индикатор серьезных намерений использовать ту или иную стратегию преодоления бедности.

При усреднении полученных от респондентов ответов по всем стратегиям иерархия реальности намерений в отношении их применения выглядит так, как показано в таблице 3. Согласно введенной градации, только «Поиск лучшей работы» и «Использование мер государственной социальной поддержки» демонстрируют средние значения реальности намерений использования. В отношении всех остальных стратегий зафиксированы в среднем слабые намерения.

В кластерном анализе, который проводился на четвертом этапе, переменными являлись рассчитанные значения индексов реальности намерений в отношении всех 12 стратегий, а объектами кластеризации были респонденты. Качество кластеризации оценивалось с помощью тестов для независимых выборок (непараметрические тесты Манна-Уиттн, Краскелла-Уоллеса и медианный тест). Использование непараметрических критериев было предопределено тем, что распределение данных в подвыборках респондентов в ряде случаев было достаточно далеко от нормального. Кластерный анализ проводился методом k -средних, который позволил распределить всех опрошенных трудоспособного возраста на группы в зависимости от предпочтений в отношении тех или иных стратегий.

Таблица 3

Иерархия стратегий по реальности намерений трудоспособного населения

Стратегии преодоления бедности	Индекс реальности намерений населения трудоспособного возраста в отношении стратегий преодоления бедности
Поиск лучшей работы	0,2892
Использование мер государственной социальной поддержки	0,2650
Поиск дополнительных источников дохода	0,2259
Сокращение расходов на ненужные вещи	0,2246
Получение дополнительного образования или квалификации	0,2069
Создание собственного бизнеса	0,1841
Трудоустройство на дополнительную работу	0,1646
Получение финансовой помощи от близких или друзей	0,1619
Обучение финансовой грамотности	0,1411
Начало накоплений и инвестиций	0,1139
Переезд в другое место	0,1088
Использование своего имущества для получения дохода	0,0972

Источник: составлено авторами.

Результаты

Кластерный анализ позволил выделить три кластера респондентов на основе оценок реальности намерений преодоления бедности по всем 12 стратегиям (табл. 4).

Таблица 4

Кластеры респондентов

Кластеры	Доля респондентов, %
1	53,9
2	16,2
3	29,9
Итого	100,0

Источник: составлено авторами.

Качество дифференциации опрошенных подтверждено значениями критерия Краскелла-Уоллеса, которые продемонстрировали статистическую значимость различий по всем без исключения стратегиям (табл. 5).

Таблица 5

Критерий Краскелла-Уоллеса для оценки качества дифференциации респондентов по кластерам

Стратегии	χ^2	<i>df</i>	Асимптотическая значимость
Создание собственного бизнеса	420,717	2	0,000
Получение дополнительного образования или квалификации	562,891	2	0,000
Поиск лучшей работы	630,191	2	0,000
Получение финансовой помощи от близких или друзей	637,083	2	0,000
Поиск дополнительных источников дохода	558,601	2	0,000
Трудоустройство на дополнительную работу	468,245	2	0,000
Сокращение расходов на ненужные вещи	489,236	2	0,000
Использование мер государственной социальной поддержки	305,490	2	0,000
Обучение финансовой грамотности	622,297	2	0,000
Использование своего имущества для получения дохода	772,254	2	0,000
Переезд в другое место	555,403	2	0,000
Начало накоплений и инвестиций	737,456	2	0,000

Источник: составлено авторами.

В таблице 6 представлены характеристики полученных кластеров респондентов с точки зрения реальности использования ими тех или иных стратегий преодоления бедности, а в таблице 7 – результаты оценки активных и пассивных стратегий представителями разных кластеров.

Таблица 6

Значения индексов реальности намерений по преодолению бедности в отношении различных стратегий в разрезе кластеров респондентов

Стратегии преодоления бедности	Значение индекса реальности намерений в отношении стратегий по кластерам респондентов		
	Первый кластер	Второй кластер	Третий кластер
Создание собственного бизнеса	0,0936	0,2299	0,2940
Получение дополнительного образования или квалификации	0,0901	0,3953	0,3145
Поиск лучшей работы	0,1664	0,6263	0,3209
Получение финансовой помощи от близких или друзей	0,0838	0,0583	0,3587
Поиск дополнительных источников дохода	0,1080	0,4366	0,3241
Трудоустройство на дополнительную работу	0,0734	0,2356	0,2904
Сокращение расходов на ненужные вещи	0,1096	0,2717	0,4063
Использование мер государственной социальной поддержки	0,1694	0,3654	0,3837
Обучение финансовой грамотности	0,0489	0,1573	0,2988
Использование своего имущества для получения дохода	0,0194	0,0643	0,2554
Переезд в другое место	0,0391	0,0932	0,2431
Начало накоплений и инвестиций	0,0304	0,0955	0,2737

Источник: составлено авторами.

Примечание: в таблице белый цвет ячеек означает слабую силу намерений, светло-серый – среднюю, темно-серый – высокую.

Таблица 7

Оценка значимости статистических различий между кластерами респондентов по суммарному количеству выбираемых активных/пассивных стратегий

Стратегии	Параметры оценивания	df	Асимптотическая значимость	Кластер с максимальным числом выбранных стратегий	Кластер с минимальным числом выбранных стратегий
Активные	Оценка перспективности	2	0,015	Первый	Третий
	Опыт использования	2	0,379	–	–
	Возможность использования в будущем	2	0,006	Третий	Первый
Пассивные	Оценка перспективности	2	0,010	Первый	Второй
	Опыт использования	2	0,039	Первый	Второй
	Возможность использования в будущем	2	0,426	–	–

Источник: составлено авторами.

В первом – наиболее многочисленном – кластере респондентов зафиксированы в целом слабые ориентации на выход из состояния бедности. Чуть сильнее других выражены две стратегии – на использование мер государственной поддержки и поиск лучшей работы. Однако даже эти возможности используются этой частью населения крайне слабо. Респонденты данного кластера, отвечая на вопрос о перспективности стратегий, выбирают большее число и активных, и пассивных стра-

тегий, при этом имеют более широкий – в сравнении с другими кластерами – опыт использования пассивных стратегий. В целом для данного кластера респондентов характерно состояние крайней пассивности, а установка на преодоление состояния бедности у них отсутствует.

Второй кластер, в котором находится каждый шестой респондент, пребывающий за чертой бедности, рисует совсем иную картину. Респонденты, составляющие его, скорее всего, для преодоления бедности выберут преимущественно активные стратегии. Они нацелены на поиск лучшей работы, дополнительных источников дохода и получение дополнительного образования или квалификации. Лишь следующим по значимости в иерархии действий у них стоит использование мер государственной поддержки. Эти респонденты выбирают меньшее – в сравнении с другими респондентами – число пассивных стратегий, когда оценивают перспективные стратегии и когда говорят о существующем опыте их использования.

Третий кластер, который объединил чуть менее трети респондентов, характеризуется выбором сочетания активных и пассивных стратегий преодоления бедности. Причем реальность намерений использования почти всех предлагаемых стратегий у респондентов этого кластера средняя. Наибольшим значением ИРН обладает пассивная стратегия – ориентация на меры государственной поддержки, помощь близких и сокращение потребления. Затем в этом кластере по реальности намерений использования стратегий идут поиск лучшей работы и получение образования. Также заметим, что респонденты из данного кластера чаще, чем все остальные, готовы использовать активные стратегии в будущем (табл. 7).

Таким образом, активные стратегии выхода из состояния бедности наиболее реальны для использования респондентами второго кластера – каждым шестым из опрошенных трудоспособного возраста. Респонденты из третьего кластера (каждый третий из опрошенных) демонстрируют среднюю по силе реальность намерений использования практически всех стратегий выхода из бедности.

Отметим, что анализ с точки зрения пола, образования, семейного положения, места проживания респондентов и уровню материального положения не позволил обнаружить специфических характеристик, свойственных отдельным кластерам (табл. 8).

Таблица 8

Показатели оценки значимости статистических различий между социально-демографическими группами респондентов

Стратегии	χ^2	df	Асимптотическая значимость
Тип домохозяйства (одиноко проживающие или в семье)	0,571	2	0,751
Тип местности (городская или сельская)	1,777	2	0,411
Уровень образования (число значений переменной – 5)	3,179	8	0,923
Семейное положение (число значений переменной – 5)	0,941	8	0,303
Пол (мужчины или женщины)	2,050	2	0,727
Возраст (оценка на основе критерия Краскелла-Уоллеса)	0,654	2	0,721
Уровень материального положения (число значений переменной – 3)	10,225	4	0,250

Источник: составлено авторами.

Обсуждение

Проведенный анализ позволил сформировать три кластера респондентов, каждый из которых характеризуется выбором различных стратегий выхода из бедности и разной реальностью намерений в отношении использования того или иного инструмента. Отметим, что в целом подобный инструментальный и основание для выделения кластеров используются впервые. Традиционно кластеризация бедности осуществлялась по таким параметрам, как: географическая концентрация, отражающая сосредоточенность бедных в определенных районах или городах, где уровень жизни значительно ниже, чем в других частях региона (Nzelibe, 2024); социально-

экономические факторы: уровень образования (Tilak, 2002; Hofmarcher, 2021), отсутствие квалификации (Spaull, 2015), безработица (Saunders, 2002), низкий уровень доходов (Förster, 1994). Сформировавшиеся кластеры по критерию реальности намерений преодоления бедности – это новая типология групп бедных по поведенческому индикатору, отражающему мотивацию, оценку доступности тех или иных способов выхода из бедности и субъективную готовность бедных к их использованию. Индекс измеряет не заявляемые желания, а вероятность формирования личной стратегии реального поведения по преодолению бедности. Нам представляется, что преимущества такого подхода состоят в следующем:

1) многие респонденты в опросах склонны завышать готовность к активным стратегиям, чтобы сформировать более позитивный собственный образ или избежать осуждения. В этой связи использование индекса реальности намерений позволяет повысить объективность оценок поведения бедных и более точно проектировать управленческие решения по преодолению бедности;

2) индекс позволяет учитывать потенциальное демотивирующее влияние социальных программ и пособий как несущих риск формирования зависимости от них и отказа от активных действий. Индекс помогает зафиксировать этот латентный отказ, даже если респонденты декларируют обратное;

3) индекс позволяет выделить качественно разные поведенческие группы бедного населения. Это создает возможность для уточнения политики и программ снижения бедности и формирования новых подходов к их разработке не «по доходу», а «по мотивации и готовности к действию»;

4) индекс реальности намерений по преодолению бедности может выступать инструментом динамической оценки и использоваться с определенной регулярностью для мониторинга, фиксации изменений в реальных установках малоимущих, стратегиях их выхода из бедности. Расчет индекса позволит оценивать результаты введения новых мер, направленных на снижение бедности, и действий, предпринятых малообеспеченными группами населения для ее преодоления.

Анализ с точки зрения пола, образования, семейного положения и места проживания респондентов не позволил обнаружить специфических характеристик, свойственных отдельным кластерам. Это может означать, что люди с похожими социально-демографическими характеристиками могут находиться в разных кластерах, и их модели поведения принципиально разные. Поведенческие различия важнее, чем «статусные» характеристики, и активность или пассивность в преодолении бедности в значительной степени определяются индивидуальными установками и ценностями, готовностью к риску. В этой связи социальные программы поддержки малообеспеченных должны фокусироваться не только на «объективных» группах (например, выделенных по социально-демографическим индикаторам, глубине или периоду пребывания в состоянии бедности), а на типах поведения этой группы населения и готовности к соучастию в преодолении бедности.

Традиционные подходы, основанные только на имущественных, половозрастных или образовательных признаках, недостаточны для точного сегментирования малоимущих. Необходимо разделять аудиторию по поведенческим характеристикам и использовать поведенческие индикаторы и инструменты, в том числе предложенный в нашей статье индекс реальности намерений по преодолению бедности.

Важным выводом нашего анализа является то, что бедность как социальная проблема многослойна, и способы преодоления бедности в современных условиях должны формироваться индивидуально с учетом широкого спектра как объективных, так и субъективных факторов. Люди в одинаковых жизненных условиях (например, безработные женщины с двумя детьми, проживающие в сельской местности) могут оказаться в разных кластерах в зависимости от того, какие стратегии они выбирают. Для современной социальной политики это означает эффективность персонализированной работы (а не массовых универсальных мер) и необходимость развивать гибкие социальные программы с индивидуальными траекториями поддержки.

Характеристики первого кластера респондентов показывают, что для этой доминирующей среди бедных группы характерна склонность к пассивным стратегиям, обусловленная ограниченной субъектностью и слабой верой в собственные силы по выходу из бедности. Ориентированность представителей этого кластера на немедленные, низкоэффективные способы преодоления бедности (государственная помощь, сокращение расходов, поиск лучшей работы) свидетельствует о высоком уровне гиперболического дисконтирования – приоритете настоящего

перед будущим. Для респондентов, вошедших в этот кластер, характерно поведение, ориентированное на минимизацию усилий и немедленные, пусть и небольшие, выгоды, избегание сложных решений. Слабая ориентация на долгосрочные или проактивные действия (например, создание бизнеса, обучение, инвестиции) позволяет определить этот кластер как пассивно-реактивный, сосредоточенный на краткосрочных и относительно простых мерах (государственная помощь, сокращение расходов, приложение минимальных усилий для поиска лучших условий труда). Установки на изменение здесь, скорее, отсутствуют – не потому, что люди не знают о стратегиях, а потому, что они не верят в возможность изменения. Можно предположить, что существенным для этой группы респондентов является также недостаток информации или навыков для оценки эффективности более активных стратегий, переоценка риска или усилий, связанных с открытием бизнеса (или сменой места жительства), склонность довольствоваться пусть малым, но гарантированным, и т.д. Эта группа требует максимальных усилий по вовлечению, сопровождению и постепенному формированию активной позиции.

Второй кластер – это сравнительно небольшая, но устойчивая группа бедных, демонстрирующая начальную готовность к активным стратегиям – обучению, смене работы, поиску дополнительных доходов. Для респондентов, отнесенных ко второму кластеру, характерны следующие особенности:

- более высокий уровень субъектности: люди осознают возможности, но еще зависят от внешней поддержки и не стремятся к самым рискованным стратегиям (например, немедленному бизнесу или переезду), однако активно ищут способы улучшить положение;
- эта группа быстрее реагирует на институциональные стимулы и легче вовлекается в программы профессионального роста, демонстрирует готовность инвестировать в образование и улучшение навыков, что говорит о меньшем гиперболическом дисконтировании;
- набор предпочитаемых стратегий этого кластера свидетельствует о том, что респонденты имеют более широкую социальную поддержку, опираются на активные социальные связи и коммуникацию, что повышает их готовность к активным действиям.

Все это позволяет характеризовать данный кластер как адаптивно-активный, ориентированный на улучшение своего положения через образование, поиск лучших возможностей, но без радикальных шагов (например, переезда или активных инвестиций). Для политики преодоления бедности это – группа с высоким потенциалом при умеренных инвестициях: программы наставничества, переквалификации и групповой поддержки.

Третий кластер можно назвать максимально активным и многовекторным: отнесенные к нему респонденты склонны использовать все доступные стратегии – от поддержки государства и экономии до саморазвития, инвестиций и смены места жительства.

Сформировавшие его респонденты, видимо, отличаются следующими особенностями:

- готовностью использовать широкий спектр проактивных, комплексных стратегий (бизнес, инвестиции, переезд, самообучение, поиск вариантов приобретения активов);
- высоким уровнем субъектности и способностью к системному планированию. Эти респонденты демонстрируют установку «я могу влиять на свою судьбу»;
- склонностью брать на себя ответственность за результат, готовностью к риску и самостоятельным решениям по преодолению бедности.

В целом, этот кластер может быть определен как ориентированный на комплексные стратегии. Представляется, что эта группа – самая перспективная для реализации ускоренного выхода из бедности, а эффективными механизмами поддержки для нее могут быть программы микрофинансирования, акселераторы, гранты, наставничество и т.д. В то же время, нельзя не отметить, что кластер также включает людей колеблющихся, ищущих компромисс между стремлением к самостоятельности и опорой на внешнюю помощь. Люди делают ставку на устойчивые, знакомые формы поддержки, но при этом не исключают активных действий, есть колебание между «сам» и «пусть помогут».

Проведенный нами анализ позволяет представить обобщенную интерпретацию полученных данных в таблице 9.

Таблица 9

**Ключевые поведенческие характеристики кластеров бедности на основе
индекса реальности намерений**

Кластер	Уровень агентности	Склонность к риску	Гиперболическое дисконтирование	Доверие к институтам
1	Низкий	Низкая	Высокое (ориентация на настоящее)	Низкое (господдержка как единственный ориентир)
2	Средний	Средняя	Среднее	Высокий (акцент на поддержку от государства и окружения)
3	Высокий	Высокая	Низкое (ориентация на будущее)	Средний (институты важны, но не решающие)

Источник: составлено авторами.

Заключение

В нашем исследовании разработан подход к оценке реальности преодоления бедности и проведена кластеризация бедных на основе этого нового поведенческого индикатора. Эмпирическую базу исследования составили данные проведенного в июне 2023 г. в Свердловской области опроса трудоспособного населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума (N=1700 чел.), а также результаты проведенного в 2025 г. экспертного опроса специалистов, в чьи обязанности входит работа с населением, находящимся за чертой бедности (N=25 чел.). В результате анализа мы выявили три кластера респондентов со среднедушевыми доходами ниже регионального прожиточного минимума, различающиеся не только сочетанием стратегий, которые они намерены использовать для преодоления своего материального положения, но и поведенческими индикаторами уровня агентности, склонности к риску, гиперболического дисконтирования и доверия к институтам. Использование в дальнейшем анализе ряда других субъективных характеристик позволит построить более полные портреты сформировавшихся групп респондентов.

При снижении уровня бедности в Свердловской области представляется особенно важным адресно и четко работать с теми гражданами, которые, несмотря на усилия органов исполнительной власти, продолжают оставаться внутри этой группы. Наше исследование позволяет получить портрет данной группы населения с точки зрения ее поведенческих характеристик и перспектив действий входящих в нее граждан. Полученные результаты показывают, что данная группа населения разнородна по субъективным характеристикам, напрямую связанным с представлениями о возможности (и желании) преодоления ситуации материального неблагополучия. Предложенный подход и проведенная кластеризация на основании индекса реальности намерений преодоления бедности открывает новые исследовательские возможности изучения и разработки мер преодоления бедности с опорой на анализ поведенческого поля бедных, а не только их материальных и социально-демографических характеристик.

Литература / References

- Алехин Б.И. (2024). Кадровый дефицит в российских регионах. *Пространственная экономика* 20(1), 163–186. [Alekhin, B. (2024). Personnel shortage in Russian regions. *Spatial Economy* 20(1), 163–186 (in Russian)].
- Белопашенцева П.В. (2023). Официальная и субъективная бедность в России: влияние событий 2020–2021 гг. *Социологические исследования* (10), 78–90. [Belopashentseva, P. (2023). Official and subjective poverty in Russia: The impact of 2020–2021 events. *Sotsiologicheskie issledovaniya* (10), 78–90 (in Russian)].
- Беянин А.В. (2018). Ричард Талер и поведенческая экономика: от лабораторных экспериментов к практике подталкивания (Нобелевская премия по экономике 2017 года). *Вопросы экономики* (1), 5–25. [Belyanin, A. (2018). Richard Thaler and behavioral economics: From

- laboratory experiments to the practice of nudging (Nobel Memorial Prize in Economics 2017). *Voprosy Ekonomiki* (1), 5–25 (in Russian)].
- Варвус С.А. (2016). Измерение уровня бедности: анализ имеющихся подходов. *Экономика. Налоги. Право* (6), 26–34. [Varvus, S. (2016). Measuring the poverty level: An analysis of existing approaches. *Economy. Taxes. Law* (6), 26–34 (in Russian)].
- Воронкова О.В. (2007). Подходы к определению и измерению бедности. *Terra Economicus* 5(3), 147–154. [Voronkova, O. (2007). Approaches to defining and measuring poverty. *Terra Economicus* 5(3), 147–154 (in Russian)].
- Воронкова О.В. (2009). Государственная политика регулирования уровня бедности населения в России и других странах. *Terra Economicus* 7(2), 74–81. [Voronkova, O. (2009). State policy of regulating the level of poverty of the population in Russia and other countries. *Terra Economicus* 7(2), 74–81 (in Russian)].
- Малева Т.М., Гришина Е.Е., Бурдяк А.Я. (2020). Хроническая бедность: что влияет на ее масштабы и остроту. *Вопросы экономики* (12), 24–40. [Maleva, T., Grishina, E., Burdyak, A. (2020). Chronic poverty: What influences its scale and severity. *Voprosy Ekonomiki* (12), 24–40 (in Russian)].
- Немировский В.Г., Новиков А.С. (2021). Доверие населения к институтам власти в контексте парасоциальных отношений в современном российском обществе. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки* 6(4), 453–462. [Nemirovsky, V., Novikov, A. (2021). Population trust in government institutions in the context of parasocial relations in modern Russian society. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences* 6(4), 453–462 (in Russian)].
- Овчарова, Л. Н. (2012). Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности. *SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры* (16), 15–38. [Ovcharova, L. (2012). Theoretical and methodological issues of defining and measuring poverty. *SPERO. Social Policy: Expertise, Recommendations, Reviews* (16), 15–38 (in Russian)].
- Пишняк А.И., Халина Н.В., Назарбаева Е.А., Горяйнова А.Р. (2021). Уровень и профиль хронической бедности в России. *Журнал Новой экономической ассоциации* (2), 56–73 [Pishnyak, A., Khalina, N., Nazarbayeva, E., Goryainova, A. (2021). The level and profile of chronic poverty in Russia. *Journal of the New Economic Association* (2), 56–73 (in Russian)].
- Ребрей С.М. (2022). Концепция агентности как новый подход к измерению гендерного неравенства. *Женщина в российском обществе* (3), 108–117. [Rebrey, S. (2022). The concept of agency as a new approach to measuring gender inequality. *Woman in Russian Society* (3), 108–117 (in Russian)].
- Решетникова Е.Г. (2021). Региональная дифференциация уровня жизни: вызовы времени. *Проблемы развития территории* 25(1), 108–122 [Reshetnikova, E. (2021). Regional differentiation of living standards: Challenges of the time. *Problems of Territorial Development* 25(1), 108–122 (in Russian)].
- Свиридов Н.Н., Грабова, О.Н. (2015). «Ловушки бедности»: тенденции и трансформации. *Экономика образования* (2), 168–175. [Sviridov, N., Grabova, O. (2015). “Poverty traps”: Trends and transformations. *Economics of Education* (2), 168–175 (in Russian)].
- Слободенюк Е.Д. (2014). Особенности и структура социальной группы бедных в современной России. *Terra Economicus* 12(4), 114–129. [Slobodenyuk, E. (2014). Features and structure of the social group of the poor in modern Russia. *Terra Economicus* 12(4), 114–129 (in Russian)].
- Шевяков А.Ю. (2010). Социальное неравенство: тормоз экономического и демографического роста. *Уровень жизни населения регионов России* (5), 38–52. [Shevyakov, A. (2010). Social inequality: A brake on economic and demographic growth. *Standard of Living of the Population of Russian Regions* (5), 38–52 (in Russian)].
- Abrahamson, P. et al. (2017). *Poverty and Social Exclusion in the New Russia*. London: Routledge.
- Blocker, C. et al. (2023). Rethinking scarcity and poverty: Building bridges for shared insight and impact. *Journal of Consumer Psychology* 33(3), 489–509.

- Bornstein, B., Tomkins, A. (2015). Institutional trust: An introduction. In: Bornstein, B., Tomkins, A. (eds.) *Motivating Cooperation and Compliance with Authority: The Role of Institutional Trust* 1–11. Cham: Springer.
- Breitenbach, M., Kapferer, E., Sedmak, C. (2021). *Stress and Poverty*. Cham: Springer.
- Caballero, A., Fernández, I., Aguilar, P., Muñoz, D., Carrera, P. (2023). Does poverty promote a different and harmful way of thinking? The links between economic scarcity, concrete construal level and risk behaviors. *Current Psychology* **42**(10), 8402–8413.
- Corr, P., Plagnol, A. (2023). *Behavioral Economics: The Basics*. London: Routledge.
- Dasgupta, P., Maskin, E. (2005). Uncertainty and hyperbolic discounting. *American Economic Review* **95**(4), 1290–1299.
- de Bruijn, E., Antonides, G. (2022). Poverty and economic decision making: A review of scarcity theory. *Theory and Decision* **92**(1), 5–37.
- de Courson, B., Frankenhuys, W., Nettle D. (2025). Poverty is associated with both risk avoidance and risk taking: Empirical evidence for the desperation threshold model from the UK and France. *Proceedings of the Royal Society B* **292**(2040), 2024–2071.
- Delaney, L., Fink, G., Harmon, C. (2014). *Effects of stress on economic decision-making: Evidence from laboratory experiments*. IZA Discussion Paper no. 8060.
- Difei, H., Mengting, Z., Xintong, Y., Hong, W. (2025). Motivation but inaction: Analysis of the intention–behaviour gap among poor households regarding participation in the photovoltaic poverty alleviation project. *China: An International Journal* **23**(2), 153–169.
- Dohmen, T. et al. (2011). Individual risk attitudes: Measurement, determinants, and behavioral consequences. *Journal of the European Economic Association* **9**(3), 522–550.
- Elliott, R. (2019). Social entrepreneurship as a catalyst to break the poverty trap: An analysis of the motivational factors in South Africa. *Acta Commercii* **19**(2), 1–13.
- Fuchs, S. (2007). Agency (and intention). In: Ritzer, G. (ed.) *The Blackwell Encyclopedia of Sociology* (pp. 185–187). London: Blackwell Publishing.
- Förster, M. (1994). *Measurement of low incomes and poverty in a perspective of international comparisons*. OECD Labour Market and Social Policy Occasional Papers. OECD Publishing.
- Guiso, L., Paiella, M. (2008). Risk aversion, wealth, and background risk. *Journal of the European Economic Association* **6**(6), 1109–1150.
- Harms, M., Garrett-Ruffin, S. (2023). Disrupting links between poverty, chronic stress, and educational inequality. *npj Science of Learning* **8**(1), article number 50, 1–6.
- Haushofer, J., Fehr, E. (2014). On the psychology of poverty. *Science* **344**(6186), 862–867.
- Haveman, R., Blank, R., Moffitt, R., Smeeding, T., Wallace, G. (2015). The war on poverty: Measurement, trends, and policy. *Journal of Policy Analysis and Management* **34**(3), 593–638.
- Hohman, Z. (2018). *The impacts of stress on economic decisions*. SSRN Working Paper no. 3249793.
- Hofmarcher, T. (2021). The effect of education on poverty: A European perspective. *Economics of Education Review* **83**, 102–124.
- Hulme, D., Shepherd, A. (2003). Conceptualizing chronic poverty. *World Development* **31**(3), 403–423.
- Klein, M. (2003). *Ways out of poverty: Diffusing best practices and creating capabilities-perspectives on policies for poverty reduction*. World Bank Publications.
- Krishna, A. (2004). Escaping poverty and becoming poor: who gains, who loses, and why? *World Development* **32**(1), 121–136.
- Laderchi, C., Saith, R., Stewart, F. (2003). Does it matter that we do not agree on the definition of poverty? A comparison of four approaches. *Oxford Development Studies* **31**(3), 243–274.
- Leisinger, K.M. (2004). Overcoming poverty and respecting human rights: Ten points for serious consideration. *International Social Science Journal* **56**(180), 313–320.

- Markosyan, M.A. (2016). The global experience and trends of poverty overcoming. *Bulletin of High Technology* 4(28), 69–81.
- Nzelibe, I. (2024). Satellite and artificial intelligence in mapping multidimensional poverty in Africa: A review study. *African Journal of Land Policy and Geospatial Sciences* 7(1), 325–347.
- Ravallion, M. (1992). *Poverty Comparisons: A Guide to Concepts and Methods*. Washington: The World Bank.
- Remenyi, J. (2004). Poverty and development: The struggle to empower the poor. In: Kingsbury, D., McKay, J., Hunt, J., Remenyi, J. (eds.) *Key Issues in Development* (pp. 190–220). New York: Palgrave Macmillan.
- Sanfey, A., Loewenstein, G., McClure, S., Cohen, J.D. (2006). Neuroeconomics: cross-currents in research on decision-making. *Trends in Cognitive Sciences* 10(3), 108–116.
- Saunders, P. (2002). The direct and indirect effects of unemployment on poverty and inequality. *Australian Journal of Labour Economics* 5(4), 507–529.
- Sejenovich, H. (2016). Overcoming poverty through sustainable development. In: de Castro, F., Hogenboom, B., Baud, M. (eds.) *Environmental Governance in Latin America* (186–202). London: Palgrave Macmillan.
- Shepherd, A. (2013). Understanding and explaining chronic poverty. In: Shepherd, A., Brunt, J. (eds.) *Chronic Poverty: Concepts, Causes and Policy* (pp. 7–37). Cham: Springer.
- Spaull, N. (2015). Schooling in South Africa: How low-quality education becomes a poverty trap. *South African Child Gauge* 12(1), 34–41.
- Tilak, J. (2002). Education and poverty. *Journal of Human Development* 3(2), 191–207.
- Viswanathan, M., Sridharan, S. (2009). From subsistence marketplaces to sustainable marketplaces: A bottom-up perspective on the role of business in poverty alleviation. *Ivey Business Journal* 73(2), 1–15.
- Yunus, M., Sibieude, T., Lesueur, E. (2012). Social Business and big business: Innovative, promising solutions to overcome poverty? *Field Actions Science Reports. The Journal of Field Actions* (Special Issue 4), 67–74.
- Zhao, J., Tomm, B. (2018). Psychological responses to scarcity. In: *Oxford Research Encyclopedia of Psychology*. New York: Oxford University Press. DOI: 10.1093/acrefore/9780190236557.013.41